

Алан А.
Милн

Алан А.
МИЛН

Влюбленные в Лондоне
Хлоя Марр

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М60

Серия «Англия. Классика. XX век»

A. A. Milne
LOVERS IN LONDON
CHLOE MARR

*Перевод с английского О. Гусевой («Влюбленные в Лондоне»)
и А. Комаринца («Хлоя Марр»)*

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения The Estate of C R Milne и литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Милн, Алан А.

М60 Влюбленные в Лондоне. Хлоя Марр : [романы; пер. с англ.] / Алан А. Милн. — Москва: АСТ, 2014. — 478, [2] с. — (Англия. Классика. XX век).

ISBN 978-5-17-083394-8

Два ранних романа Алана А. Милна, писателя, чья «взрослая» проза была невероятно популярна при жизни автора, но незаслуженно забыта впоследствии и обрела «вторую жизнь» лишь в наши дни.

Изысканный, чисто английский юмор в лучших традициях П. Г. Вудхауса, увлекательные сюжеты и яркие, колоритные персонажи — именно за это произведения Милна любят читатели любого возраста.

Веселые приключения молодого британца Тедди и его новой знакомой, американки Амелии, на улицах Лондона «золотых 20-х».

Остроумная и изящная история Хлои Марр — женщины-загадки, которую обожали все и которую по-настоящему не знал никто, — рассказанная влюбленными в нее мужчинами.

Эти прекрасные произведения захочется читать и перечитывать!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© А. А. Milne, 1905, 1946

Школа перевода В. Баканова, 2013

© Перевод. А. Комаринец, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Влюбленные в Лондоне

Глава I

СЕМЬЯ

Дамы и господа, это Амелия. Это ее отец и мать. А это — ее собака. По причине болезни отсутствует брат Амелии.

Амелия, как вы изволите видеть, в самой середине. В руках у нее книга — несомненно, большой интеллектуальной ценности. И наверняка про Войну за независимость Америки¹. Амелия, как вы вправе предположить, всерьез думает о публикации Американской энциклопедии. «В» — Война. См. «Н» — Независимость. Это будет бесценное справочное издание, так что подписывайтесь сейчас, пока не поздно...

Вы уже заметили, какие длинные и красивые у нее ресницы. Она беспечно опустила взор на книгу. Наверное, это всего лишь семейный альбом фотографа.

На ней (к сведению господина сочинителя) «простого покроя платье из мягкой струящейся белой ткани». На талии «красная роза, в волосах еще одна». (Это тоже к сведению господина сочинителя. На большее он все равно не отважится.)

Ее щечки тронуты нежным румянцем юности. Уголки губ восхитительно изогнуты вниз. А нос, с вашего позволения, весьма изысканной формы.

¹ Так называемая Американская революция (1775—1783), борьба между Великобританией и патриотами 13 английских колоний в Северной Америке за образование независимого союзного государства. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Вот этот джентльмен справа — отец Амелии. Он держит руку у лба. Нам представляется, что он сочиняет воскресную проповедь. У него седые волосы и снежно-белая борода. В общем, славный бодрый старикан.

Мать Амелии слева. Она тоже смотрит на книгу в руках дочери. А это жена фотографа? Боже, что за пугало!

Собака Амелии. Вопрос: неужели это собака?

Про фотографию, пожалуй, все. Брат Амелии, как говорится в письме, прихворал. Ногу сломал. Он учится в Корнеллском университете. Памятуя о том, как в Америке играют в футбол, радуйтесь, что сломана только нога. Мы уверены, что, на радость родителям, он — прилежный студент.

А теперь мы аккуратно уберем и письмо, и фотографию в самый потайной ящик...

Письмо написано Амелией — робко, местами с чужих слов. «Мама хочет, чтобы я сообщила вам, что мы не сможем приехать в Англию раньше начала года... Мама считает, что вам будет интересно посмотреть на нашу общую фотографию. Папа хорошо получился. Топотун просто прелесть, правда? А на меня смотреть страшно...» (Топотун, видимо, собака.) «Мой дорогой Тедди», — начинает она, зачеркивает «Тедди», пишет «Эдвард», но потом вновь меняет на «Тедди». Очень мило.

Письмо помечено «С борта парохода “Антилопа”». В последнее время Амелии нездоровится, поэтому все семейство едет в Англию через Сан-Франциско, Тихий океан и прочие места. Не мешало бы найти их на карте. В географии я никогда не блистал...

Но кто такая Амелия?

Читая приключенческий роман, я пропускаю пространные описания невероятной красоты видов, что предстают перед взором героя, затаившегося на кокосовой пальме. Быстро долиствываю до слов: «В тот миг Джорджу было не до этого. Малайцы уже...» И сейчас я как тот самый Джордж. Однако, наслаждаясь юмористическим про-

изведением, я тщательно штудирую скучнейшие на первый взгляд отрывки — вдруг там скрыта очередная шутка автора? Впрочем, у нас не приключенческий роман, и если вы пропустите страницу, я не обещаю, что следующая будет интереснее. Не смею назвать это произведение и юмористическим. По причине чего не бойтесь, что ненароком упустите повод посмеяться от души. Так что к последующему вскоре разъяснению родословной Амелии приступайте безо всякой надежды и страха.

Итак, начнем. С отцом Амелии я впервые встретился на собственных крестинах, когда он нарек меня Уильямом Эдвардом. (Он одарил меня массивным серебряным кольцом для салфеток, которое я иногда рассматриваю.) Будучи до сих пор моим крестным отцом, он много лет был еще и моим опекуном. Англичанин по рождению, он женился на американке, уехал в Штаты и обосновался там. Однако почти каждый год он навещался в Англию проверять, как идет мое образование. (В основном он приезжал один, иногда вместе с женой. Дважды им составляла компанию и Амелия — в возрасте шести и двенадцати лет.) В детстве меня окружало несметное количество тетушек, кузин и всяких прочих заботливых нянюшек, следивших за бытовыми мелочами. (К примеру, разбирали мои носки и прочее.) Остальным заведовал отец Амелии. Он выбрал мне школу и колледж, тратил за меня мои деньги (около трехсот фунтов в год), пока я не достиг совершеннолетия, а в тягостные минуты выступал в роли апелляционного суда. В конце концов, он пастырь пресвитерианской церкви, и я называю его «папа Уильям»¹. Я многим ему обязан.

С матерью Амелии мы никогда не ладили. Она какая-то угасшая. В последний визит (четыре года назад) ее, по-

¹ Аллюзия на «Балладу о старом Уильяме» Л. Кэрролла — один из признанных шедевров поэтического нонсенса, представляет собой искусную пародию на давно забытое нравоучительное стихотворение Роберта Саути (1774—1843) «Радости старика, и как он их обрел».

хоже, расстроило и вызвало некоторое раздражение присутствие подросшей дочери. Не побоюсь этого слова — ревность. Я зову ее «тетушка Энни», и она всегда целует меня в лоб.

Что касается Амелии и меня самого, если вы настолько добры, чтобы проявить к нам интерес, то вы узнаете все, что нужно, когда дочитаете до конца последнюю главу. (Любимый вальс Амелии упомянут в пятнадцатой главе, ее любимый ныне здравствующий поэт — в шестой. В пятнадцатой также назван герой ее романа... впрочем, двадцать четвертая скорее всего оставит иное впечатление.)

Амелия, таким образом, героиня. Если бы вы ее увидели, так сразу и сказали бы. Что до моего главенства, то я претендую на него по праву антрепренера. Все лучшие строки я забрал себе. Но я уже был влюблен! Влюблен в Амелию — из всей семьи в нее одну.

Однако Амелия пока в море. Кстати, я же собирался купить атлас.

Глава II

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

В витрине одного магазина на Стрэнде выставлена огромная карта мира в какой-то там проекции. Крошечные модели кораблей испещряют моря и океаны, так что, если ваш кузен месяц назад отправился на поиски золота¹, вы

¹ Подразумевается золотая лихорадка 1903–1905 гг. на Аляске и в Канаде, а также скандал, связанный с проходом через Суэцкий канал Второй Тихоокеанской эскадры Российского императорского флота, в 1904 г. следовавшей из Либавы (Либава), русского порта на Балтике, во Владивосток, для участия в боевых действиях во время Русско-японской войны. Великобритания, заключив в 1902 г. договор об альянсе с Японией для защиты интересов в Китае и Корее, выступала союзником Японии.

сразу найдете его на этой карте. Возможно, он застрял в Суэцком канале или где-то рядом с оным. Наверняка вам нет дела до Суэцкого канала, да и кузен вам безразличен; впрочем, и он от вас ничего не ждет. Тогда оставьте его в покое и больше не переживайте по этому поводу. А если при вас станут обсуждать шансы Балтийского флота пройти по Суэцкому каналу, а также вопросы, касающиеся нейтралитета, вы скажете: «Дорогой мой, у меня там кузен, уж я-то знаю, что и как».

Теперь представьте, что это не какой-то там кузен, а дочь чьего-то крестного! И сейчас она в кругосветном плавании с целью поправить ослабленное здоровье. День за днем вы наблюдаете, как ее корабль скользит по глади Тихого океана, а ваше сердце бьется все быстрее: ведь в Тихом океане так много островов, где девица из хорошей семьи может потерпеть крушение. Наконец вы наклоняетесь к самому стеклу и замечаете на пути ее корабля маленький остров. Он как будто необитаем, но его очертания красноречиво свидетельствуют о коралловых рифах и косовых пальмах...

Ваш час настал. Вы идете домой — да что мне вас обманывать? — я иду домой, надеваю белые фланелевые брюки, холщовую рубашку с отложным воротником и легкие парусиновые туфли. Я уже давно решил, что крушение застигнет меня именно в таком виде... Кстати, нет нужды уточнять, мои волосы идеально расчесаны на пробор.

И вот я закрываю глаза...

Амелию я то нес на руках¹, то тащил почти волоком, пытаюсь вырваться из набегающих волн, и вот опустил ее на сухой песок, как можно дальше от опасных бурунов...

¹ Здесь и далее в этой главе автор заимствует описание кораблекрушения и жизни на необитаемом острове из романа Даниэля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

Выпрямившись, я словно сквозь сон увидел перед собой бушующий морской простор. Внезапно меня охватило сомнение. Я глянул вниз. Так и есть. Одну туфлю я все-таки потерял...

Я посмотрел на море. Вон она, моя туфля, на гребне волны! Всего-то надо нырнуть и вынырнуть...

Дальше смутно помню, как надо мной сомкнулись валы, меня потащило куда-то вниз, все глубже и глубже...

Я подумал, что это, наверное, конец...

Вспомнил Амелию, солнечные дни, наши игры на лужайке за домом...

А потом — пустота...

Когда я снова открыл глаза, занималось восхитительное утро. (Начинался один из тех замечательных дней, которые так нередки в Тихом океане.) Амелия собрала охапку хвороста и теперь разводила огонь.

— Вы проспали несколько часов, — сообщила она, увидев, что я проснулся. — Я думала, вы умерли. И стала готовить погребальный костер.

— Я не спал, — запротестовал я. — Я потерял сознание. Вы бы тоже упали в обморок после всего, что случилось прошлой ночью. Не помню, сколько раз я спас вам жизнь.

— Во всяком случае, не будь меня, вы бы здесь не оказались. Идите поищите что-нибудь на завтрак.

Должен признаться, что с завтраком ничего не вышло. Пять мидий и юный тритончик — неплохой улов, если взглянуть со стороны. Увы, тритон сохранил свой status quo благодаря заступничеству Амелии, а из раковин только одна любезно позволила открыть ей створки. Потеря тритона стала для меня тяжелым ударом. Пока мы мужественно боролись с моллюсками, я искоса наблюдал, как Амелия бросает на ящерку мечтательные взгляды.

— Не стройте ему глазки, вы его избалуете, — не выдержал я. — Того и гляди зазнается. Еще недавно он был согласен стать нашим завтраком, теперь же ему в голову придут более благородные цели. Но все равно, — добавил я с горечью, — если он полагает, что, оказавшись здесь, станет нашим домашним питомцем, то глубоко ошибается. Потребности человека... — Я выразительно помахал вилкой.

— Я только что окрестила его Вильгельмом Генрихом, — всхлипнула Амелия. — Иди к мамочке, лапуля.

И взяла его на руки.

— Ну вот, ему теперь тяжело будет с нами расставаться. А я хотел оставить вам хвост. Гурманы утверждают, что это лучшая часть ящерицы.

— Пошади мое дитя! — запричитала Амелия. — Бей, но выслушай!¹ Он будет искать для нас трюфели, правда, малыш?

На том и порешили.

После завтрака мы отправились обследовать остров. Только вообразите: я впереди с ружьем на плече, следом Амелия, без шляпки, в коротком платье, несет коробок спичек. Вильгельм Генрих вразвалочку замыкает шестивие — он-де ищет трюфели.

— Что мы будем делать? — спросила Амелия.

— Для начала выясним, действительно ли это остров или часть какого-нибудь материка.

— А вдруг это Брайтон? Мы и не догадываемся... — захихикала Амелия.

— Между делом хорошо бы наткнуться на хлебное дерево и подстрелить какую-нибудь дичь.

¹ Автор цитирует вошедший в школьные хрестоматии отрывок из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, слова афинского государственного деятеля Фемистокла (525–460 гг. до н.э.), обращенные к спартанскому полководцу Эврибиаду, когда между ними разгорелся спор о способе ведения войны с персами, нападшими на Элладу.

— Чур, я буду собирать черепашьи яйца!

— Амелия, вы слишком легкомысленно относитесь к нашему положению, — строго сказал я. — И не ведаете о туземцах, которые могут окружить нас в любую минуту.

— О чем не ведаю?

— О туземцах, — хрипло повторил я.

— Боже, а я без шляпки! Что они обо мне подумают?

Я хотел съязвить в ответ, но тут мы вошли в густую непроходимую чащу. Через некоторое время нас окружила тишина, какая бывает только в полночь¹. Ощущение такое, словно мы уже несколько часов пробираемся сквозь непроходимый лес. Казалось, кроме нас, вокруг ни души. Неподвижность и безмолвие подавляли, мы едва осмеливались заговорить друг с другом. Что за беда нас поджидала?

Тут я вскинул руку ко лбу и попятился. Прямо перед нами стояло дерево с зарубкой!

Нервно облизнув губы, я произнес изменившимся голосом:

— Чей это след?²

— Отец, я не умею лгать!³ Это я срубила его топориком. Я хотела как лучше.

— Амелия, — с облегчением выдохнул я, — вы спасли жизнь нам обоим.

Мы позавтракали на песке плодами хлебного дерева и куском какой-то необычной коры, который отыскал я, потому как от Вильгельма Генриха толку не оказалось.

¹ Аллюзия на стихотворение Уильяма Блейка «Тигр» («Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чаши...»). Перевод С. Маршака).

² Далее следует вольное переложение начала семнадцатой главы «Жизни и приключений Робинзона Крузо».

³ Цитата из хрестоматийного рассказа о детстве Джорджа Вашингтона. Согласно записям одного из ранних биографов Джорджа Вашингтона, Мэйсона Уимса, юному Вашингтону подарили топорик, и он, играя, срубил любимую вишню отца.

По окончании трапезы Амелия объявила, что собирается часок поспать.

— Прекрасно, — сказал я. — Здесь я вас и оставлю. Под охраной Вильгельма Генриха.

— А вы что собираетесь делать?

— Конечно же, искать каучуковое дерево¹, — просто ответил я.

— А зачем нам каучуковое дерево?

— Милая моя девочка, — терпеливо начал я, — а для чего еще мы здесь? Вы, похоже, не осознаете всей стратегической важности находки каучукового дерева.

— Нет. И Вильгельм Генрих тоже. Правда, малыш?

— В любом случае это необходимо. До свидания, Амелия.

— До свидания, милый.

Оставив ее, я не мог отделаться от дурного предчувствия. Но долг — прежде всего. Я решительно повернулся и зашагал в глубь острова.

Без нее было одиноко. Каждое дерево, каждый куст напоминали об утренних событиях, и сожаление острым ножом вонзалось в грудь. Чего-то не хватало. Я лениво бросил пару камней в обезьян, играющих в кроне деревьев, и промазал. Почему же рядом нет Амелии? Она бы подняла меня на смех. Все вокруг наполнилось жизнью — щебетали птицы, жужжали насекомые. Но они ведь не заменят дружеской компании...

Не знаю, что вдруг произошло. Возможно, я уснул, а очнувшись, сообразил, что стемнело и похолодало. Поднялся ветер. Весь дрожа, я побежал туда, где оставил Амелию. Похоже, в своих скитаниях я прошел несколько миль. Интересно, смогу ли найти то место? А! Вот и море.

¹ Подразумевается широко освещаемый в то время в прессе скандал, связанный с добычей каучука в Бельгийском Конго, монополизированной компанией «АБИР».

Вдруг я понял, что ее там нет. Наверное, она просто перешла в тень. Да, именно это я и говорил себе, хотя и не верил своим словам. Что случилось?

Внезапно я увидел ее. Примерно в полумиле виднелся холм с пальмами. Среди деревьев, на фоне синего неба, стояла она, всматриваясь в море. Я проследил за ее взглядом.

Лодки! С полдюжины пирог. Я знал, что это означает. Они приближались к берегу, но я мог бы добраться до нее, прежде чем они причалят. Рядом со мной ей не грозит опасность.

Но я не смог! Не смог — и все! Я пишу эти строки и вижу, как она стоит и спокойно смотрит вдаль, а беда уже близко. А я совершенно бессилён... Высокая, царственная¹, она подставила лицо ветру. Откинув назад волосы, она слегка обернулась, словно недоумевая, почему меня нет рядом...

Больше я ее не видел. Парусиновые туфли прохутились, пришлось вернуться в Лондон, к суровой правде жизни. Вечером, проходя по Стрэнду, я с опаской глянул на витрину. Остров остался далеко позади. Я вздохнул с облегчением.

Глава III

ПРИВЕТСТВИЯ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Прошло три дня их пребывания в Лондоне, прежде чем я увиделся с Амелией. Ее отец написал мне, прося встретить их в Саутгемптоне, но я отговорился неотложными

¹ Автор заимствует широко распространенный в то время литературный штамп, высмеянный Фрэнсисом Брет Гартом в рассказе «История с привидением», пародии на «Рождественскую песнь» Дикенса.